

УДК 316.47

Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи*

Мингазова А.М.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н.Туполева – КАИ, старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ

Беляев В.А.

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента
Казанского национального исследовательского технического
университета им. А.Н.Туполева – КАИ

В статье проанализированы данные опроса студентов технических специальностей КНИТУ-КАИ. Выяснено, что этническая идентичность чаще всего идет по материнской линии, независимо от национальностей родителей. Студенты даже смешанной национальности позитивно оценивают этнические и религиозные традиции. В их среде нет этноконфессиональной и атеистической предубежденности и интолерантности, что объясняется не только традициями смешанного этноконфессионального существования, но и интернациональной природой их технической специальности.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнические и религиозные обряды, смешанный брак, перекрестный конфликт.

На межэтнические и межконфессиональные отношения в молодежной среде влияют и выбор этнической идентичности, и предпочтения, и соблюдение тех или иных этнорелигиозных традиций и обрядов [1]. Для выяснения данных проблем мы провели анализ эссе студентов технических направлений Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ (далее КНИТУ-КАИ). Всего было исследовано эссе 79 человек, среди которых 32 татарина, 26 русских, 8 – иной национальности и 12 – смешанной национальности.

Национальность определялась ответом на вопросы «Какой национальности Ваши родители?» и «К какой национальности Вы себя относите?». Среди студентов «иной» национальности в разных группах

было 5 чувашей, 2 удмурта и 1 индонезиец. Весьма знаменательна идентификация молодых людей смешанной национальности, но и здесь нет межпоколенческого конфликта [2]. При анализе ответов студентов татарско-русской национальности родителей нельзя сказать, что самоидентификация определяется непременно по отцу или что на нее влияет про-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)»; при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-46-160490 «Роль информационно-сетевых технологий в формировании этноконфессиональной толерантности/интолерантности молодого поколения Республики Татарстан».

живание в РТ или пол отвечающего. Только один из пяти молодых людей выбрал национальность «татарин», исходя из того, что отец татарин, хотя мать русская; остальные предпочли русскую национальность. Студентка, у которой мама была смешанной русско-татарской национальности, а папа татарин, считает себя наполовину русской, наполовину татаркой. Респондент с татарским папой и русской мамой не имеет точной этнической идентичности, он так и написал: «нет четкого понимания». Тем самым, можно сказать, что среди опрошенных в РТ преобладает матрилинейная передача этнической идентичности, хотя во многих бывших союзных республиках превалирует или патрилинейность, или идентификация себя с титульным этносом.

Что касается иных вариантов миксации, то у них также не прослеживается корреляции с национальностью отца и регионом проживания. Студент с русской мамой и осетинским отцом считает себя русским. То же самое со студентом русско-еврейской национальности. Однако в парах украинки–русского, чувашки–русского и русской–армянина молодые люди выбрали себе национальность по отцу. Тем самым в миксациях российской идентичности большую роль играет проживание в РФ, а не в РТ. В этом заключается отличие от родительских пар с нероссийской идентичностью, когда мама – татарка, а отец в одном случае турок, в другом – араб. В этих обстоятельствах продолжение этнической родословной – строго патрилинейное.

Совсем иная картина вырисовывается в случае, когда родители одной национальности, даже когда отец – казанский татарин, а мать – кряшенка. Они четко идентифицируют себя с татарским этносом, хотя есть один ответ, когда студент назвал себя русским с фамилией «Иванов» при родителях-татарах. Видимо, отец или оба родителя являются кряшенами, что облегчает межэтнический транзит.

Понятно, что все 26 студентов с русской национальностью родителей причислили себя к русским.

Помимо крови, существует много иных *оснований* для этнической идентификации. Труднее всего найти такое фундирование лицам смешанной национальности. Ряд таких молодых людей основанием идентификации назвали язык, ибо, как они считают, наличие общего языка позволяет легче понять друг друга и найти общие интересы. Некоторые из них выделяли фильмы, песни на русском языке, традиции, обычаи, менталитет, знание России (последнее – в случае, когда один из родителей относится к национальности вне РФ), историю предков, фамилию, религию, религиозные праздники (Масленица, Пасха, Вербное воскресенье, день Петра и Февронии), чувство родины, культуру. В одном случае – место рождения (Турция), в другом – внешний вид (араб).

Сложнее выбрать основания для этнической идентификации людям нетитульных национально-

стей. Так, опрошенные удмурты выделяют любовь к национальной кухне, чувство общей родины и место рождения в качестве такого основания. Среди чувашей подобным фундаментом считают *«общий исторический путь»*, *«мой фенотип, и возможно, культура»*. Есть и чуваша, которые отмечают язык, традиции, праздники (Акатуй), менталитет, родной дом, *«некоторые мировоззрения»*. Индонезиец же подчеркнул *«язык и место рождения»*.

Татары выделяют в качестве базы своей этнической общности обычаи, привычки, манеру поведения, религию, достопримечательности, родину, язык и традиции (у многих), историю, правила поведения, шутки на родном языке, общее взаимопонимание, место рождения, праздники (Сабантуй, Ураза, Курбан байрам, Гае, бэби туе), менталитет (у многих), быт, кухня (бэлеш, очпочмак, чак-чак), музыка, специфические волевые качества татарского этноса (*«умение добиваться своего»*), моральные ценности.

Немногим отличаются основания этнической идентификации у русской молодежи. Это: православные праздники (Пасха, Рождество), язык, культура (у многих), менталитет, традиции, обычаи, место проживания (у многих), историческая общность, территория, единый дух, внешность, природа, морально-этическое воспитание, знание собственной истории, особенности поведения, характер.

Некоторые выделяют негативные стереотипы в отношении своей национальности (*«гордые, безразличные к другим людям, тяга к алкоголю, вечное уныние»*). Некоторые не могут выделить такие основания в силу игнорирования национальности у своих друзей и родных.

При ответе на вопрос *об этнических традициях семьи* у студентов смешанной национальности также возникают трудности. Одни из них соблюдают этнические традиции по минимуму или не соблюдают вовсе. В ряде семей, где отец татарин, а мать русская, – режут барана на праздник, читают молитву после еды, некоторые выделяют знание речевых архаизмов. Опрошенные удмурты не соблюдают национальных традиций, также как и индонезиец. Информанты-чуваша или не придерживаются традиций вовсе (двое студентов), или празднуют Уяв (один студент), Акатуй (двое студентов).

Среди татар часть студентов не соблюдают никаких традиций, причем некоторые обосновывают это своим этнонигилизмом или тем, что не жили в Татарстане и не воспитывались в этнических традициях. Некоторые выделяют в качестве этнической традиции знание и умение говорить на родном языке, предпочтение в пище, приготовление национальных блюд. Молодые люди выделяли и такие этнические традиции, как сохранение родственно-свойственной сети путем поездок в гости, сохранение памяти общих предков, сохранение возрастной иерархии

(«уважение к старшим»). Некоторые принципиально не соблюдают этнические традиции, чтобы не дистанцировать себя от других этносов и не вводить иерархию последних.

Русские молодые люди в большинстве своем отметили в качестве этнических традиций празднование Масленицы, Дня Ивана Купалы, Ильин дня, Пасхи, Рождества, Нового года, дней рождения, встречи на этих праздниках с родными, а двое посчитали национальной традицией посещение русской бани.

Надо сказать, что поддержание традиций респондентами не происходит бездумно, многие выделяют важные функции такой ритуализации поведения («Все то, что проводят родители, ведь это не только связано с религией, но и спланирует семью»).

Вместе с тем четверть респондентов никаких этнических традиций не соблюдает, при этом доля таких нигилистов больше среди русских, чем среди татар. Их типичный ответ: «К традициям отношусь негативно, т.к. не вижу смысла в их проведении».

Важным критерием оценки этнической идентичности является отношение к выбору брачного партнера. Студентам был задан вопрос об их отношении к межэтническим бракам. Примечательно, что большинство студентов оценивают такое явление нейтрально или положительно. Аргументы в пользу смешанных браков несколько различаются у людей разной национальности. Так, лица смешанной национальности чаще иных, естественно, находят обоснование полезных функций смешанных браков: межэтническое взаимопонимание, единство российского народа, пример родителей («Люди разных этносов могут понять друг друга, если будут тактичными и внимательными, а также не верить в предрассудки»; «Все – россияне и не вижу разницы между народами»; «Положительный пример родителей»; «Не важно, какой национальности члены семьи, главное, чтобы в семье царил уют, любовь, согласие»). Однако даже они иногда показывают ограничения для миксации в виде возможности потери этнической идентичности и границы, и условия этнического смешения («Нейтрально, но они могут привести к утрате индивидуальности народов»; «Если ни один из супругов не сильно религиозен, то в этом нет ничего страшного»).

Опрошенные нами студенты нетатарской и нерусской национальности более сдержанно оценивали смешанные браки («Не имею ничего против, т.к. считаю это личным делом каждого»; «Нейтрально, но понимаю необходимость некоторых народов на изоляцию от межэтнических браков для самосохранения»). Это объясняется, с одной стороны, проблемами, связанными с вкраплением этих людей в иноэтническую среду, что затрудняет нахождение партнера той же национальности на брачном рынке,

а с другой стороны, привычкой взаимодействовать с людьми иной национальности.

Среди татар, как представителей более малого этноса, которому может грозить ассимиляция, больше противников межэтнических браков, чем среди русских. Как минимум семь респондентов оценивают такие браки негативно (типичные ответы у них: «Отношусь негативно, т.к. есть свои традиции, религиозные обычаи»; «Очень негативно отношусь, нельзя смешивать кровь»; «Плохо, распадаются семьи из-за конфликтов при воспитании детей, захоронении после смерти») или нейтрально («Главное – взаимопонимание»; «Спокойно, в нашем мире – это норма»; «Нейтрально, это выбор каждого человека»), но чаще всего с ограничениями или условиями. Вместе с тем тех, кто видит положительные функции миксации, среди респондентов-татар оказалось пять человек («Положительно, осуждаю тех, кто относится отрицательно, оправдывая тем, что будет кровосмешение, нет никакой гарантии, что десять поколений назад их предки были чисто своей национальности»).

Среди русских число сторонников межэтнических браков гораздо выше («Спокойно, если люди любят друг друга, ничего не мешает им быть вместе. Будут и проблемы с религией, традициями, но можно прийти к компромиссу»), фактически, нет ярых противников, но можно выделить пять нейтральных или амбивалентных ответов («Разность в культурах становится все меньше»; «Нейтрально, но сам бы в них не вступал из-за идущих вразрез традиций и разного родного языка»; «Нейтрально, с одной стороны, человек не выбирает, кого ему любить, с другой стороны, происходит смешивание национальностей и утрата традиций»).

В отношении конфессиональных обрядов (ответ на вопрос «Какие этнорелигиозные обряды выполняются в Вашей семье и как Вы к ним относитесь?») своей положительной оценкой и даже вроде спорадическим активным участием выделяются респонденты-татары. Среди них 19 человек относятся положительно, причем типичными ответами являются: «К мусульманским праздникам у меня серьезное отношение»; «Никах, режем барашка, читаем молитвы по умершим родственникам. Отношусь с уважением и почтением, т.к. считаю это семейной традицией, и ее надо соблюдать»). Среди татар нейтральное отношение встречается даже в случае более или менее вынужденного участия в разных обрядах, прежде всего у атеистов, как они себя называют («Отношусь нейтрально, религиозные мероприятия в семье выполняются как дань традициям»; «В среде родственников мы выполняем их для приличия»).

Небольшая часть татар (9 из 32) не участвует в обрядах по идейным соображениям. Они или просто дистанцируются от этой стороны религиозной

жизни, или, что реже встречается, отрицают их необходимость. Принципиальных противников, стремящихся бороться с религиозными обрядами, среди опрошенных не встречается.

Среди русских тоже нет как твердо верующих, т.е. знающих канонические писания, выполняющих все обряды, включая все посты и все молитвы, так и воинствующих безбожников, кроме одного, назвавшего соблюдение поста «бредом и вредом своему здоровью».

Доля верующих и регулярно молящихся (11 из 28) среди русских ниже, чем среди татар, что, видимо, объясняется более долгим проживанием в городах, на протяжении жизни нескольких поколений. Характерными ответами у верующих являются следующие: «Празднуем небольшую часть религиозных праздников, но без фанатизма»; «Верим в Бога, молимся, когда что-то нужно»; «Родители порой посещают церковь, поминаем усопших, относимся к этому со всей серьезностью».

Пять русских респондентов относятся к религиозным обрядам нейтрально, как правило, у них или вообще эти обряды не реализуются в семье, или отмечают Пасху. Среди тех, кто не отмечает никаких обрядов, подавляющее большинство или дистанцируется от обрядовой стороны религии, или выполняет лишь одно из религиозных требований (у одного – крещение детей, другой носит крестик), но они все, за исключением одного воинствующего атеиста, спокойно относятся к присутствию при выполнении обрядов и ритуалов.

Среди людей иных национальностей весьма мало соблюдающих религиозные требования. Это один мусульманин из Индонезии и два чуваша, которые отмечают все религиозные праздники. Четверо из людей «третьих» национальностей не соблюдают религиозных традиций, относясь к ним нейтрально (трое), или не находят особого смысла в их проведении, при негативном к ним отношении (удмурт).

На первый взгляд парадоксальной выглядит оценка религиозных обрядов со стороны респондентов смешанной национальности, ибо, с одной стороны, различия в религии родителей должны взаимно гасить интерес к обрядовой стороне религии и тем более участие в ней. Фактически здесь должен проявиться перекрестный конфликт, при котором, согласно Л. Козеру [3], противостояние различающихся сущностей в одном отношении может уходить на второй план и терять свою значимость при появлении новых, привходящих обстоятельств (в данном случае, смешанного брака), то есть микшированное супружество затрудняет одобрение каких-либо религиозных обрядов. Тем не менее, с другой стороны, большинство лиц смешанной национальности (7 из 12) не только положительно оценивают религиозную обрядовость, но и сами активно в ней участвуют. Наиболее распространенными вариан-

тами их ответов являются: «Отмечаем Масленицу, Пасху, ходим в церковь, к таким обрядам относимся положительно, т.к. уважаю их»; «К выполнению религиозных обрядов в семье привыкла, это для меня в порядке вещей». Одновременно трое из лиц смешанной национальности относятся нейтрально к религиозным обрядам, как один респондент русско-чувашской национальности сказал: «Потому что все – россияне, и не вижу разницы между народами». В то же время двое отрицательно относятся к церкви и ее обрядам.

Надо сказать, что в последние годы в Татарстане возникли два конфликта, способных негативно влиять на межэтнические и межконфессиональные отношения. Первый из них – появление ваххабитов и проведение частью из них террористических актов. Однако, во-первых, большинство терактов было нацелено на представителей традиционного ислама и потому конфликт в основном является, не меж-, а внутриконфессиональным. Во-вторых, террористическая угроза довольно успешно купируется правоохранительными органами и потому большинством молодежи не выводится на уровень непосредственно опасным для них лично.

Второй конфликт связан с изучением татарского и русского языков в школах [4]. Вместе с тем приведение числа часов изучения русского языка до требуемого ФГОСом РФ и стремление большинства русских и татар к компромиссу в преподавании татарского языка в школах способны снять и эту проблему. В любом случае респонденты не переносят недостатки такого преподавания на межличностные и внутрисемейные отношения.

В целом вариативность этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи весьма высока, но не порождает этнической и религиозной нетерпимости, фанатизма. Подавляющее большинство опрошенных толерантно и даже дружелюбно относятся к людям иной национальности, к этническим традициям, к другим религиям и даже к обрядовой стороне последних. Это объясняется тем, что в их среде нет этноконфессиональной и атеистической предубежденности и интолерантности, что детерминировано не только традициями смешанного этноконфессионального существования, но и интернациональной природой их технической специальности.

Литература:

1. Ларионова И.В., Максимова О.А. Факторы этнической толерантности в Республике Татарстан: поколенческий аспект // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 3. – С. 226-230.
2. Беляев В.А., Мингазова А.М. Постмодернистские и псевдорелигиозные симулякры межпоколенческих отношений как источник воспроизводства социального сиротства // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 178-186.
3. Козер Л.А. Функции социального конфликта. – URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/kozer.html>
4. Лаукарт-Горбачева О.В., Максимова О.А. Билингвальное образование в оценке представителей различных поколений Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 3. – С. 142-145.

Types of Ethno-Confessional Identity and Tolerance among Students***Mingazova A.M., Belyaev V.A.******Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI***

The article analyzes the survey` data obtained from students of KNRTU-KAI`s technical specialties. It was found out that ethnic identity most often goes on the maternal line, regardless of the parents` nationalities. Even students of a mixed nationality positively assess ethnic and religious traditions. In their environment, there is no ethno-confessional and atheistic prejudice and intolerance, which is explained not only by the traditions of mixed ethno-confessional existence, but also by the international nature of their technical specialty.

Key words: ethnic identity, ethnic and religious exercises, mixed marriage, cross-cutting conflict.

